

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ
ПОЛНОЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ

Долг каждого гражданина СССР, как указано в ст.61 Конституции СССР, бережно относиться к народному добру, бороться с хищениями государственного и общественного имущества. Лица, посягающие на социалистическую собственность, по закону несут полную материальную ответственность.

Возмещение ущерба преследует три цели:

- 1/ восстановить имущественные интересы предприятия;
- 2/ не допускать возникновения убытков впредь;
- 3/ обеспечить охрану заработной платы рабочих и служащих от необоснованных, незаконных удержаний.

Особенно актуально это звучит сейчас, когда большинство предприятий перешло на полный хозрасчет и самофинансирование и всякий случай причинения ущерба отражается на результатах работы трудового коллектива, его доходах. Трудовой коллектив кровно заинтересован в своевременном возмещении ущерба, причиненного предприятию, т.к. в соответствии с п. 5 ст.17 Закона СССР о государственном предприятии /объединении/ полученные предприятием суммы возмещения ущерба направляются на увеличение хозрасчетного дохода коллектива.

КЗоТ УССР /ст.134, п. 3/ предписывает, что в соответствии с законодательством Союза ССР рабочие и служащие несут материальную ответственность в полном размере ущерба, причиненного по их вине предприятию, учреждению, организации, в случаях, когда ущерб причинен действиями работника, содержащими признаки деяний, преследуемых в уголовном порядке. Иными словами, если в действиях работника имеются признаки деяния, преследуемого в уголовном порядке, то на лицо, совершившее данное деяние, в порядке гражданского судопроизводства и при наличии всех условий привлечения к материальной ответственности возлагается материальная ответственность в полном размере причиненного ущерба.

Условия материальной ответственности рабочих и служащих изложены в ст.130 КЗоТ УССР:

- 1/ действительный материальный ущерб;
- 2/ наличие вины работника;
- 3/ противоправность;

4/ причинная связь между противоправным поведением работника и возникновением ущерба.

Признаками деяния, преследуемого в уголовном порядке, о которых идет речь в п. 3 ст. 134 КЗоТ УССР являются:

1/ общественная опасность, т.е. причинение вреда интересам общества или угроз такого причинения;

2/ противоправность, т.е. прямое запрещение законом совершения такого деяния;

3/ виновность лица, совершившего это деяние, т.е. психическое отношение лица к своему поведению и к его последствиям.

Все перечисленные признаки в соответствии с п. II постановления пленума Верховного суда СССР от 23 сентября 1977 г. "О применении судами законодательства, регулирующего материальную ответственность рабочих и служащих за ущерб, причиненный предприятию, учреждению, организации" должны быть установлены в порядке уголовного судопроизводства [7].

В соответствии с положениями советского уголовного процесса понятие "уголовное производство" включает в себя не только стадию судебного разбирательства, но и стадию расследования [4, с. 10-11]. В этой стадии прокурор, следователь и орган дознания с согласия прокурора вправе освободить работника от уголовной ответственности в случаях, предусмотренных законом. Часть 2 п. II постановления пленума Верховного суда СССР от 23 сентября 1977 г. дает исчерпывающий перечень случаев освобождения от уголовной ответственности и предписывает судам возлагать полную материальную ответственность, когда ущерб причинен действиями работника, содержащими признаки деяния, преследуемого в уголовном порядке, но работник был освобожден от уголовной ответственности. Следовательно, и приговор суда по уголовному делу, и постановление следственного органа будут приняты судом в качестве доказательства, подтверждающего наличие в действиях лица признаков деяния, преследуемого в уголовном порядке.

Тот факт, что доказательством наличия в действиях работника признаков преступления является приговор суда по уголовному делу, не вызывает сомнения. В этом отношении полностью можно согласиться с П.Р.Стависским, который отмечает: "Самым бесспорным и авторитетным доказательством наличия в действиях работника признаков преступления является приговор суда, признавший его виновным в преступлении" [2, с. 13]. Приговор по уголовному делу устанавливает все признаки деяния, преследуемого в уголовном порядке, а если все признаки установлены, то деяние именуется уже преступлением. Этот приговор имеет преюдициальное значение для доказывания в гражданском деле.

В соответствии со ст. 31 ГК УССР, вступившей в законную силу, приговор суда по уголовному делу обязателен для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого состоялся приговор суда, лишь по вопросам, имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицом. Следовательно, виновность лица в причинении ущерба, как и причинная связь, и наличие действительного ущерба, будет доказываться уже в порядке гражданского судопроизводства, и если они будут доказаны, то необходимо возлагать полную материальную ответственность по п. 3 ст. 134 КЗоТ УССР.

Что касается постановления прокурора, следователя и органа дознания с согласия прокурора, то в связи с этим возникают следующие вопросы.

1. Если в данных постановлениях следственные органы, органы дознания, прокурор установят все признаки деяния, преследуемого в уголовном порядке, то это означает, что они устанавливают и виновность лица в совершении данного деяния как один из признаков. И.И. Андрианов отмечает: "Работник может быть привлечен по данному основанию /п. 3 ст. 134 КЗоТ УССР/ к возмещению ущерба в полном размере, если его виновность в совершении действий, содержащих признаки деяний, преследуемых в уголовном порядке, установлена судебно-следственными органами" [1, с. 69].

Однако ч. 2 ст. 3 УК УССР гласит: "Никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом". В данном же случае виновность определяют прокурор, следователь, орган дознания и она является одним из признаков деяния, преследуемого в уголовном порядке.

Перед советским обществом стал вопрос о создании правового государства. Думается, мы не вправе пренебрегать таким понятием, как презумпция невиновности.

2. Данные постановления прокурора, следователя и органа дознания не имеют преюдициального значения для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, причинившего ущерб. Но если постановления не имеют преюдициального значения, то может ли суд усомниться в обоснованности этого постановления? Да, может. Если суд усомнится в обоснованности постановления следственных органов, органов дознания, прокурора о том, что в действиях работника содержатся признаки деяний, преследуемых в уголовном порядке, то он в соответствии с п. 12 постановления пленума Верховного суда УССР должен поста-

вить перед соответствующим прокурором вопрос о пересмотре данного постановления и приостановить производство по гражданскому делу о возмещении причиненного работником ущерба.

Предположим, что соответствующий прокурор не усматривает повода для отмены этого постановления, а такой вариант вполне возможен, ибо прокурор сам санкционировал данное постановление. Допустим, что не только соответствующий, но и вышестоящий прокурор не усматривает необходимости в отмене постановления. Как в этом случае решать гражданское дело о возмещении причиненного работником ущерба, ведь производство по делу приостановлено? К сожалению, гражданский суд не может вопреки данным, содержащимся в постановлении следственных органов, иначе решать вопрос о наличии в действиях работника признаков деяния, преследуемого в уголовном порядке, он может лишь усомниться в обоснованности этого постановления.

Если суд усомнится в обоснованности постановления следственных органов о том, что в действиях лица содержатся признаки деяния, преследуемого в уголовном порядке, думается, будет правильно отказать в иске о возмещении ущерба по п. 3 ст. 134 КЗоТ УССР. В этом случае отпадает необходимость в постановке вопроса перед соответствующим прокурором о пересмотре постановления.

Представляется возможным решить возникший вопрос и иным образом. Необходимо внести изменения в п. 3 ст. 134 КЗоТ УССР, изложив эту статью в следующей редакции: "В соответствии с законодательством Союза ССР рабочие и служащие несут материальную ответственность в полном размере ущерба, причиненного по их вине предприятию, учреждению, организации, в случае, когда ущерб причинен преступлением". Тогда вообще отпадает необходимость в п. 12 постановления пленума Верховного суда, т.к. признать деяние преступлением может лишь суд. А в соответствии со ст. 31 ГК УССР приговор суда по уголовному делу имеет преюдициальное значение для доказывания в гражданском деле.

Следующим вопросом, на котором остановимся, является возложение на рабочих и служащих полной материальной ответственности по п. 7 ст. 134 КЗоТ УССР, в которой предусмотрено, что "в соответствии с законодательством Союза ССР рабочие и служащие несут материальную ответственность в полном размере ущерба, причиненного по их вине предприятию, учреждению, организации, в случаях, когда ущерб причинен не при исполнении трудовых обязанностей".

Такой ущерб может быть причинен не только в свободное время, но и во время работы. Как заметил Б.А.Шеломов, "для возложения на работника

полной материальной ответственности по п. 7 ст. 134 КЗоТ УССР должен быть доказан факт причинения ущерба этим работником не при исполнении им как своих обычных трудовых обязанностей, так и специальных заданий администрации" [3, с. 67].

Необходимо подчеркнуть, что в соответствии со ст. 130 КЗоТ УССР материальная ответственность возлагается лишь за прямой действительный ущерб. Согласно п. 4 указанного постановления пленума Верховного суда от 23 сентября 1977 г. под прямым действительным ущербом понимается "утрата, ухудшение или понижение ценности имущества, необходимость для предприятия, учреждения, организации произвести затраты на восстановление, приобретение имущества или иных ценностей либо произвести излишние выплаты".

П.Р.Стевисский отмечает, что "законодательство устанавливает принцип возмещения рабочим и служащим только прямого действительного ущерба, тогда как гражданско-правовая имущественная ответственность предусматривает возможность взыскания с причинителя вреда и неполученных доходов" [2, с. 6]. В этом и заключается одно из основных отличий материальной ответственности в трудовом праве от гражданско-правовой имущественной ответственности. Следовательно, неполученные доходы не могут быть взысканы с причинителя ущерба в случае возложения на него материальной ответственности по нормам трудового законодательства.

Однако п. 17-1 постановления пленума Верховного суда СССР от 23 сентября 1977 г. в редакции от 23 сентября 1987 г. гласит: "Разъяснить судам, что при определении размера материального ущерба, причиненного рабочим и служащим самовольным использованием в личных целях технических средств /автомобилей, тракторов, автокранов и т.п./, принадлежащих предприятиям, учреждениям, организациям, с которыми они состоят в трудовых отношениях, надлежит исходить из того, что такой ущерб, как причиненный не при исполнении трудовых /служебных/ обязанностей, подлежит возмещению с применением норм гражданского законодательства /ст. 457 ГК РСФСР и соответствующие статьи ГК других союзных республик/. В этих случаях ущерб возмещается в полном объеме, включая и не полученные предприятием, учреждением, организацией доходы от использования указанных технических средств" [7, 1987, № 9, п. 17]. Данное разъяснение пленума вступает, к сожалению, в прямое противоречие со ст. 130 КЗоТ УССР, т.е. с уже существующим законом, что абсолютно недопустимо в государстве, где превалирует закон. Исходя из изложенного можно сделать вывод о необходимости отмены п. 17 разъяснения пленума Верховного суда СССР.

В заключение представляется целесообразным затронуть вопрос об отказе работника от заключения договора о полной материальной ответственности и последствиях этого отказа. По действующему законодательству, в частности по п. 1 ст. 134 КЗоТ УССР, рабочие и служащие несут полную материальную ответственность, если между ними и предприятием в соответствии со ст. 135 КЗоТ УССР заключен письменный договор о принятии на себя работником полной материальной ответственности за необеспечение сохранности имущества и других ценностей, переданных ему для хранения или для других целей.

Статья 135 КЗоТ УССР гласит: "Письменные договоры о полной материальной ответственности могут быть заключены предприятием, учреждением, организацией с работниками..." Из содержания этой статьи явствует, что законодатель не устанавливает обязательности заключения данного договора между работником и администрацией, а предоставляет сторонам право самим решать этот вопрос. Для заключения договора о полной материальной ответственности необходима обоюдная воля как администрации, так и работника.

Договор в гражданском праве - это соглашение /подчеркнуто нами. - Авт./ двух или более лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей [6, с. 406].

Все изложенное позволяет выдвинуть ряд возражений по поводу постановления пленума Верховного суда СССР от 26 апреля 1984 г. "О применении судами законодательства, регулирующего заключение, изменение и прекращение трудового договора" [7, 1984, № 3] в частности п. 17-1 данного постановления, который введен постановлением № 12 пленума Верховного суда СССР "О применении судами законодательства о трудовом договоре и повышении их роли в укреплении трудовой дисциплины" от 5 сентября 1986 г. [7, 1986, № 6]. Этот пункт гласит: "При рассмотрении споров, возникающих в связи с применением мер дисциплинарного взыскания к работникам, отказавшимся от заключения договора о полной материальной ответственности за сохранность материальных ценностей, суды должны исходить из условий трудового договора. Если выполнение обязанностей по обслуживанию материальных ценностей составляет для работника его основную трудовую функцию, что оговорено при приеме на работу, и в соответствии с действующим законодательством с ним должен быть заключен договор о полной материальной ответственности, отказ от заключения такого договора без уважительных причин необходимо рассматривать как неисполнение трудовых обязанностей со всеми вытекающими из этого последствиями".

Возвращаясь к ст. 135 КЗоТ УССР, в которой законодатель не устанавливает обязательности заключения договора о полной материальной ответственности, нетрудно заметить, что пленум Верховного суда СССР дает прямо противоположное толкование этого вопроса и считает, что с работником должен быть заключен договор о полной материальной ответственности. В данном случае администрация как сторона договора наделена правом требовать от работника согласия на его заключение, а дисциплинарные взыскания являются средством понуждения работника к заключению договора. О каком же соглашении сторон может идти речь, когда отсутствует добровольность заключения договора со стороны работника? Отказ от заключения договора без уважительных причин рассматривается как неисполнение трудовых обязанностей. Но ст. 135 КЗоТ УССР не вменяет работнику в обязанность заключение с администрацией договора о полной материальной ответственности, а говорит лишь о возможности его заключения, следовательно, его отказ не должен рассматриваться как неисполнение трудовых обязанностей.

Представляется нецелесообразным делить отказ работника от заключения договора на отказ по уважительным и неуважительным причинам, так как в соответствии со ст. 135 КЗоТ УССР работник имеет право отказаться от договора о полной материальной ответственности, не мотивируя свой отказ.

Таким образом, наиболее удачным и правильным представляется п. 3 постановления НКТ СССР от 29 октября 1930 г. № 332 "О порядке заключения договоров об имущественной ответственности работников за недостачу ценностей", в котором говорится: "В случае отказа работника от подписания договора об имущественной ответственности... наниматель может предложить работнику перевод на другую работу, соответствующую его квалификации. При отсутствии такой работы или при отказе работника от предложенной ему работы наниматель может его уволить" [5].

Думается, целесообразно отменить п. 17-1 постановления пленума Верховного суда СССР и изложить его с учетом п. 3 постановления НКТ СССР от 29 октября 1930 г. следующим образом:

"В случае отказа работника от заключения договора о полной материальной ответственности за сохранность материальных ценностей администрация обязана предложить работнику перевод на другую работу, соответствующую его квалификации. При отсутствии такой работы или при отказе работника от предложенной ему работы трудовой договор с ним может быть расторгнут по п. 1 ст. 17 Основ законодательства о труде".

Рассчитываем, что перечисленные предложения будут способствовать совершенствованию как института материальной ответственности в целом,

так и полной материальной ответственности рабочих и служащих за вред, причиненный по их вине предприятию, учреждению, организации.

Список литературы

1. Андрианов И.И. Материальная ответственность рабочих и служащих. - М., 1979.
2. Стависский П.Р. Материальная ответственность рабочих и служащих за ущерб, причиненный предприятию, учреждению, организации. - Одесса, 1978.
3. Шеломов Б.А. Материальная ответственность рабочих и служащих. - М., 1981.
4. Советский уголовный процесс / Н.С.Алексеев и др. - Л., 1989.
5. Известия НКТ СССР. - 1930. - № 31-32.
6. Советский энциклопедический словарь. - М., 1989.
7. Буллетень Верховного суда СССР.

В.С.Венедиктов,
канд. юрид. наук
С.И.Сприндис

К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ТРУДОВОМ ПРАВЕ

Без организованности и дисциплины, без согласования поведения рабочих и служащих, трудовых коллективов с юридическими предписаниями, выражающими государственную волю, невозможно решение важнейших исторических задач преобразования социалистического общества. Авторитет государственной воли, выраженный в нормах права, - решающий фактор, который влияет на соблюдение правовых предписаний. Сознательное отношение рабочих и служащих к существующим правовым нормам, уверенность в их социальной справедливости и полезности, иными словами - согласие с нормами права, способствуют тому, что большинство норм права претворяется в жизнь добровольно. Если же возникает противоречие волевых устремлений отдельного индивида государственной воле, то требуются специальные средства воздействия на личность в целях гарантирования обязательности государственных велений. Таким средством и является юридическая ответственность, которая призвана обеспечить ответственное поведение субъектов трудового правоотношения, адекватное государственным и общественным интересам.